

г. Тамбов

Своё Солнышко найти

(Продолжение. Начало в № 7/2017)

И вот эта неожиданная встреча с Даной. Они ходят вместе три месяца, он привык к ней: она улавливала каждое его движение и подставляла руку или плечо. Временами у него наступало прозрение, и он рассмотрел её внешность: нежное девичье лицо с чёрными бровями и такими же чёрными глазами. Её густые длинные волнистые волосы тоже казались смоляными. А руки были цепкими, но очень нежными и ласковыми. Олег Иванович иногда думал, что если бы жена захотела иметь детей, то у них могли быть почти такая или чуть моложе дочь или сын.

Раньше он слышал выражение «Видеть свой след», но не придавал ему значения, так как это его не касалось. А сейчас понял, что это самое большое счастье в жизни – видеть, куда ты идёшь, кто рядом с тобой.

Что будет с ним, если Дана уйдёт? Где им зимовать зиму? Она уводила его всё дальше и дальше от дома. Почему? Стеснялась? Но он не замечал этого. И однажды это легко прояснилось.

– Мы сейчас сядем на поезд и доедем до Ростова, – Дана уверенно вела его по перрону станции.

– Зачем мы туда поедём? – удивился Олег Иванович

– Нам надо вырвать документы, а начнём с госпиталя. Они могут дать дубликат справки, что вы находились у них на излечении.

Олег Иванович поразился её взрослому мышлению, а в ушах звучало: «Нам вырвать...» Выходит, что она не отделяла себя от него? Он смущённо закашлялся.

– Вы что, простудились? – забеспокоилась Дана.

– Нет-нет, это я поперхнулся, ты не беспокойся.

В Ростове Дана взяла такси, и они быстро оказались в госпитале. Дана посадила его в кресло в коридоре и попросила проходившую медсестру:

– Сестричка, посидите с больным, а то его могут обидеть здесь, а мне срочно надо к главврачу.

От её заботы о нём у Куликова выступили слёзы на глазах. Медсестра села рядом и взяла его руку в свою.

– Олег Иванович, а вы не помните процедурную медсестру Любу из вашего отделения? – Она сделала характерный хлопок рукой, когда колят инъекции.

– Помню, особенно этот хлопок, – заволновался Куликов.

– Что с вами случилось, Олег Иванович?

– Да вот совсем ослеп.

– Кто эта девушка с вами?

– Это мой поводырь, мой Ангел-хранитель.

– А где жена? Что с ней?

– Вам Дана всё расскажет.

В это время к ним подошли главврач и заведующий офтальмологическим отделением.

– Люба, помогите положить больного в первую палату, пока эта красавица будет оформляться санитаркой.

Дана взяла Олега Ивановича за руку, довела до двери в отделение.

– Вы не скучайте без меня, я быстренько оформлюсь и прибегу к вам, – она закрыла за ним дверь и бегом побежала в отдел кадров

Когда Дана вернулась в палату, то не сразу нашла своего подопечного, и только по понуро опущенной голове догадалась, что это он: без бороды, без длинных волос на голове он выглядел лет на двадцать моложе, чем ей казалось. Она смущённо взяла его за руку.

– Олег Иванович, это я. Вас тут никто не обижал? – она строго поглядела на соседей, молодых солдатиков. – Смотрите у меня, а то я быстро с вами рассчитаюсь.

В палате раздался смех. Дана посмотрела на себя: длинный до пят широкий халат, колпак съехал на лоб.

– Смейтесь, смейтесь, завтра вы не узнаете меня. – Она нагнулась к Куликову: – При мне звонили в Москву, вызвали какого-то важного профессора, и с документами обещали помочь. И ещё новость: сюда приезжали ваши друзья, разыскивали вас. Так что ждите гостей.

Дана говорила, а сама рассматривала Куликова: под сбритой бородой кожа была

белой, нежной, а остальные участки лица – загоревшие до черноты, загрубевшие. И глаза сейчас совсем другие: в них появился огонёк надежды и они начинали светиться. Наголо выбритая голова придавала выражение неопределённого возраста. Правильные черты лица, высокий рост со спортивной фигурой гимнаста – всё это, вероятно, привлекало внимание женщин.

А Дана рядом с ним казалась тоненьким угловатым подростком, на которого даже вот эти солдатики-салаги смотрят снисходительно. Дана от досады чуть не расплакалась, но в этот момент Олег Иванович сжал её руку, растроганно произнёс:

– Спасибо тебе, малыш, без тебя я бы пропал. Мне сразу надо было ехать сюда, вызывать друзей, они бы помогли. А я растерялся, спасовал. Но хватит обо мне. Как ты устроилась? Что там говорил главврач про санитарку?

– А меня оформили санитаркой – сутки работаю, двое отдыхаю. Через недельку смогу на двух ставках работать.

– А жить где будешь?

– Здесь кубовщицей пожилая женщина работает, вот она и согласилась приютить меня.

– А почему через неделю ты будешь по две смены работать? И надо ли? У тебя же травма позвоночника, а с ним не шутят.

– Мне восемнадцать исполняется, и по закону я могу перерабатывать. А позвоночник сейчас не болит. А тут такой спортивный зал хороший – просто прелесть. Он не закрывается и вечерами там можно тренироваться, мне главврач разрешил.

– Когда же ты успела всё разузнать, малыш?

– Если на ногах, то можно многое быстро сделать. За вами сейчас придут, на обследование поведут.

В коридоре послышалось: «Куликов! В смотровой кабинет!»

Дана подкатила коляску к кровати.

– Садитесь в кресло, Олег Иванович, там много ходить надо, удобнее будет на коляске.

Дана вывезла его из палаты. Часа два она катала Куликова по кабинетам, везде тщательный осмотр. И только к обеду они освободились.

На следующий день началось планомерное лечение. Дана успевала выполнять про-

стые обязанности санитарки и ухаживать за Куликовым.

Она уже привыкла к нему, прикипела сердцем и не мыслила своей жизни без него. Иногда ей приходила мысль, что надо будет уйти, если вернётся его жена. Тогда она бежала в спортзал и истязала себя упражнениями.

А Олег Иванович, слышав звонкий, певучий голос Даны, приободрялся, подтягивался. Приезжавший из столицы профессор назначил свой курс лечения, и день ото дня его организм приходил в норму. Он понимал, что лечение когда-нибудь закончится, он вновь окажется на улице без угла, без денег, а за окном уже ноябрьская стужа. Останется ли с ним Дана? И вправе ли он удерживать её рядом с собой? Он незаметно наблюдал за ней и отметил для себя, что лейтенант из соседней палаты увивается вокруг неё, а она, хотя открыто не отвечает на его ухаживания, но при выписке его может уехать с ним. Проводимое лечение не приносило тех результатов, которых ждали врачи, потому что на душе у Куликова было беспокойно и тревожно.

В один из предвыходных дней дверь палаты открылась и в неё шумно вошли два бравых офицера – его друзья: Лёшка Оленин и Борис Олегов. Два О, как он их называл, а когда они были все вместе, то образовывалось приятное триО.

– О, да он тут как в розарии лежит, – они посмотрели на Дану и медсестру, снимавшую капельницу. – Зачем ему спешить в свою квартиру, когда он тут с красотками нежится?! А мы, два дурака, спешим, торопимся отремонтировать его жильё, – Оленин обнял Куликова, а сам из-под полы достал букетик хризантем и подал Дане:

– А это тебе. Основной букет ждёт в Подлипках.

– Спасибо! – Дана смущённо приняла букет и тут же строго предупредила: – Олегу Ивановичу нельзя вставать минут 30–40, а то может закружиться голова.

– А зачем ему вставать, пусть отлёживается, – вступил в разговор Олегов, – мы посидим здесь, а ты, красавица, собирай своё имущество, а самое главное – оформляй документы на выписку вот этого артиста: завотделением и главврач в курсе дела.

Дана, радостно-тревожная, выбежала из палаты.

– И все же, Кулик, ты везунчик: первая жена – красавица, а этот ещё не распустившийся бутон готов вот-вот превратиться в прекрасную розу. Это тебе, наверное, за твою доброту даётся, – рассмеялся Оленин, завистливо глядя на Куликова.

– Чем, это вы были заняты, что только по телефону звонили, а приехать не могли? И чью это вы квартиру ремонтировали? – Куликов радостно смотрел на друзей, которых ясно видел.

– Слушай, Олег, я никак не могу взять в толк, почему ты не позвонил нам, когда случилось это ЧП? – Борис Олегов отстранился от Куликова, в его голосе слышалось непонимание, досада. – Я, когда рассказал своей Анюте, она сначала не поверила, а потом говорит: «Он что, своих друзей сравнивал с этой декоративной тыквой? У нас бы пожил, пока оформили ему квартиру. А он во всех разуверился. Нельзя так». Вот такой вердикт вынесла тебе Анюта. Так что квартиру ремонтировали твою, в нашем городке, на одной площадке с нами: там для пенсионеров сдали новый дом за воротами городка. Все ждут тебя.

– А как вам удалось добиться квартиры? Для этого же надо было сдать деньги или какое-то жильё? – Олег Иванович недоверчиво слушал друзей.

– Ты прав, друг наш любезный. Не разучился ещё мыслить в своих скитаниях. – Олегов с усмешкой присел рядом с Куликовым, затем опять вскочил и заговорил горячо, возмущённо размахивая руками: – Нет, вы мне растолкуйте, до какого же идиотизма надо дойти – с сумой по миру?! Из дома выгнала стерва? Иди в дом инвалидов, если не хочешь бороться с ней. Документы украла, паскуда... А мы на что? Мы что, пешки какие-то? Помочь тебе не могли? Ты за кого нас принял?

– Ты чего расфырчался, как перегревшийся котёл? Сядь сюда, сядь, – Олег Иванович положил руку на плечо присевшего Олегова. – Что ты хочешь взять с моей больной, израненной головы? Мне первую группу дали не за красивые глаза. Ты понимаешь, дружище, обида взяла верх над разумом. Беспомощность – это страшная

штука. Как заклинило тогда – не знаю, что делать, куда идти. Как опавший лист летит по ветру – его кружит в круговерти, но всё же земля притягивает его, успокаивает. Вот так и я: бродил, кружил, петлял, будто загнанный заяц, будто сам от себя стремился убежать. И всё же, благодаря Дане, оказался в госпитале. Я и сам бы дошёл до этого, но она раньше меня сообразила. Так что же вы сдали за квартиру?

– А мы на обмен сдали твоё законное жильё, – Борис стиснул руку Олега и не отпустил её, словно боялся, что друг вновь потеряется. – Решение этого вопроса наши жёны не доверили нам – сами поехали к «драгоценной» твоей, втолковали ей, что если она добровольно не разменяет квартиру, то очень скоро окажется за решёткой: за причинение физического ущерба мужу, за кражу документов, и ещё несколько пунктов перечислили. Она же сумела оформить пенсию на тебя и получала её всё это время. Так что ей пришлось согласиться с доводами своих бывших подруг, тем более что она знала профессионализм моей Анюты как прекрасного юриста. Квартиру продали, ей купили однокомнатную в «хрущёвке», часть мебели оставили там, а часть привезли в городок. Заодно и развод вам оформили. Так что ты теперь у нас холостой, парень на выданье. Это тебе подарок от Анюты: жить вместе вы не будете, а нервы потрепать тебе она могла бы. А теперь у неё никаких претензий – вы чужие. Или ругать будешь Анюту?

– За что? За то, что познакомила, или за то, что развела? – Куликов усмехнулся. – Всё путём, так и должно быть. А как вы её нашли?

– Так чего же её было разыскивать, когда мы помогали оформить обмен, делали ремонт квартиры и сами её перевозили. Мы на другой день, когда она должна была привезти тебя, приехали в Мамонтовку с семьями – она была дома, а твой след потерялся. Ты знаешь, что она нам сказала? Что ты не захотел ехать с ней, а попросил отвезти к матери в кубанскую станицу.

– К матери?! – удивился Олег Иванович. – А она что, оживила её? Я же сам похоронил мать, когда мне было десять лет. Именно поэтому и оказался в суворовском училище. Она же знала об этом, я возил её на ма-

мину могилку. Какое кощунство! – Куликов был возмущён до глубины души.

– Ты что раскипятился? Если бы у неё было что-то святое в душе, разве она поступила бы так подло? – в голосе Бориса вновь зазвучали негодующие ноты. – Но Бог есть, и Он был на нашей стороне: мы тогда вышли от неё, остановили машину, и оказалось, что сели именно в ту самую, на которой ты ехал из Ростова. Ты представляешь, шофёр потом вернулся за тобой, но ты уже уехал на электричке. Мы с Лёшкой проехали до Малаховки, затем разыскали проводницу с Астраханского поезда, в вагоне которой ты ехал, вышли на той же станции, где сошёл ты, но дальше след твой терялся.

– А почему она поменялась на Мамонтовку? – Куликов от смущения закашлялся, представив, сколько хлопот он доставил друзьям.

– Сказала, что тебе надо будет лечиться в санатории, а живя рядом с ним, можно будет лечиться по курсовкам и она рядом с тобой постоянно. Видишь, сколько заботы у человека?

– Да-а, прожил столько лет с ней, а распознать не смог. А вы говорите – везунчик.

– Конечно, везунчик, – вступил в разговор Оленин. – Если бы Дана не привезла тебя в госпиталь, сколько бы нам ещё пришлось искать тебя? Мы же ездили в твою родную станицу, покрасили оградку на могиле твоей матушки. Наши жёнушки обратились на телевидение в программу «Жди меня». Сотни писем пришло от очевидцев, кто встречался с вами. Дед Евсей горюет, что не удержал тебя, не оставил в деревне: у них там жизнь налаживаться стала, переселенцы провели свет, землю обрабатывают.

А тут из госпиталя пришло сообщение, что ты поступил на излечение – мы оставляли свои координаты и просили сообщить, – Оленин говорил серьёзно, а затем улыбнулся: – Да, с Даной тебе повезло, старик, умнющая дивчина, да плюс к тому же и симпатюшка. Везунчик ты, так оно и есть – везунчик. Так и должно быть. Вот сейчас она оформит документы, и поедем домой. Что так испуганно смотришь на меня? – засмеялся Оленин.

– А ты уверен, что она поедет? – смущённо спросил Куликов.

– Если возьмёшь, то поедет.

– А возраст? Ты об этом подумал?

– А при чём тут возраст? Ты бери пример с Андрона Кончаловского – вспомни разницу в возрасте у него с последней женой?

– Ну, куда хватил. Андрон здоров как бык. А я?

В палату вбежала возбуждённая Дана.

– Ой, Олег Иванович, на улице первый снег выпал! Там всё сияет, а от белизны даже глаза режет. Я вам очки тёмные купила, вам без них нельзя, глазкам будет больно. А солнце играет, как на Пасху. Оно чему-то радуется. Я всё оформила, вещи собрала, с тётей Полей простилась.

– Вот и хорошо. Давай здесь собирай и Олега приготовь в дорогу. А мы пойдём к медикам, поговорим за жизнь, – Олегов подтолкнул Оленина и они вышли.

Дана поспешно складывала вещи в сумку. Куликов, сидя в постели, прикоснулся к её плечу:

– Дана...

Она вскинула голову, посмотрела на него – в её глазах стояли слёзы.

– Вы не думайте ни о чём, Олег Иванович, мне же всё равно надо уезжать домой, а то там заждались. Довезёте меня до вокзала, и я поеду. – Голос у Даны прерывался, она готова была разрыдаться.

– Малыш, а тебе не жаль будет своей молодости, потраченной на меня, старика? – он понял, что Дана слышала их разговор.

– Молодости? – удивлённо переспросила Дана. Она встала с корточек и села на край кровати. – Мы с вами стоим на одной дощечке и не известно, чей край пойдёт вниз первым. Вам без меня сейчас будет трудно, вы ещё не нашли опору в жизни. Когда она у вас появится, я постараюсь незаметно отойти.

Куликов взял её руки, поднёс к губам.

– Странно, мне порой, кажется, что не я, а ты старше, опытнее меня. Как легко, когда рядом вот такой прекрасный поводырь.

В дверь заглянул Оленин:

– Вы готовы?

– Да-да, мы едем.

Куликов быстро оделся. Дана вынесла сумки в коридор.

– Дана, а солнце за меня радуется, потому, что я нашёл своё Солнышко. Спасибо тебе, что ты есть. Пойдём, нас ждут.

Они вышли из палаты, крепко держась за руки.